



АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борехова

Адвокат под гипнозом

Наталья Евгеньевна Борохова
Адвокат под гипнозом
Серия «Адвокатский детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182870
Адвокат под гипнозом: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35754-3*

Аннотация

Молодому адвокату Лизе Дубровской досталось гражданское дело о наследстве: Кристина Каменева пыталась опротестовать завещание отца, который все свое состояние оставил ее мачехе. Брак продлился всего полгода, жена была младше мужа в три раза, и Кристина сразу заподозрила, что ее отец покинул этот мир не без посторонней помощи. Дубровская пыталась найти доказательства, и Кристина решила помочь своему адвокату: она записалась в группу психоанализа, которую ее отец посещал под вымышленным именем прямо накануне гибели...

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наталья Борохова

Адвокат под гипнозом

Дождь начался ближе к вечеру. Чернильно-синие небеса, напитанные влагой, нависли над городом, словно желая придавить редких прохожих, спешащих по домам в поисках укрытия. Листва безжизненно повисла на деревьях. Природа ждала первого летнего ливня. И вот наконец небо распорол зубчатая молния, и сильный удар грома заставил горожан содрогнуться. Капли упали на пыльный серый асфальт. Стало очень темно. Раздался еще один удар грома. На этот раз мощнее и продолжительнее.

Мужчина в сером пиджаке ускорил шаг. Его совсем не пугал гром и отсутствие зонта. В свои шестьдесят шесть к капризам природы он относился философски. Костюм и отличные кожаные туфли можно высушить, почистить и даже выбросить, в конце концов. Невелика потеря. Озябшее тело можно отогреть в ванне. Не беспокоиться же ему насчет насморка? Хотя если бы сейчас рядом с ним была Наина, она бы как пить дать загнала бы его домой, насыпала бы в носки сухой горчицы и заставила бы выпить три кружки чая с малиной. Но где она сейчас, его Наина? Смотрит на него сквозь рваные тучи с неба и с каждым ударом грома посылает свой грозный укор? Что до него, он согласен был бы сейчас выполнить самое нелепое из ее желаний, только бы вернуть ее

к жизни. Но мертвые возвращаются к нам только во снах и воспоминаниях.

Первые капли дождя уже запутались в его седой и густой шевелюре, дорожками пробежали по впалым щекам. Словно слезы. Однако впервые за последний год у него не было желания плакать. Нужно столько сделать! Небеса разверзлись, и слепящей молнией в мозгу пронеслось осознание: теперь все будет хорошо! Кристине не стоит беспокоиться. Бедная девочка и так уже изрядно пострадала из-за того, что натворил ее папенька на склоне лет. Нет, определенно, в него вселился дьявол. Или как его называют? Бес в ребро? Но теперь-то уж все встанет на свои места. Он, профессор Каменев, еще покажет, на что способен!

Капли стучали все сильнее и сильнее. Холодные струйки текли за воротник. Беспокойные мысли, такие же торопливые, как суматошные капли, заставляли его торопиться. Дорожки старого парка уже превратились в кипящие горные реки, а новые ботинки – в неподъемные кандалы. Странное дело, он прилагал максимальные усилия для того, чтобы идти быстрее, но, оглянувшись назад, увидел кованые ворота центрального входа и понял, что преодолел не более трехсот метров. Это напоминало сон или бег под водой. Шаг, еще шаг. Еще одно усилие, и он опять почти на том же месте. Неужели это и есть старость? «Спешите, дорогой, – сказала бы ему Наина. – Подобные водные процедуры в вашем возрасте вредны». Ах, Наина, знала бы ты, в какой паутине окажется

твой муж спустя полгода после твоей кончины!

Профессор устремил глаза вперед. Там, за поворотом аллеи, призывно светились огни автомагистрали. Длинный, пустынный вечером подземный переход, и он почти дома. Там его наверняка ждет Кристина. Он успел созвониться с ней еще днем и сказать, что ее ждут приятные известия. Отец возвращается!

Дорожки пустынны. Да и кому пришло бы в голову шататься здесь при эдакой-то погоде? Но мужчине вдруг явственно почудилось рядом чье-то присутствие, страшное, не сулящее ничего доброго. Он не верил в призраки (даром, что ли, профессор!), но на всякий случай оглянулся. Его взгляд зацепился за черные стволы деревьев, изредка освещаемые адскими сполохами молний, да тускло горящие в пелене дождя фонари. Вроде никого. Но разве разберешься тут, когда с неба доносится чудовищное гроыхание, а под ногами хлюпают лужи? Внезапно он почувствовал, что устал. Чудовищно. Еле передвигая ноги, преодолел последнюю сотню метров и через калитку вышел к магистрали.

Машин было немного. Осторожные водители предпочитали переждать непогоду, чем мчаться навстречу ветру и дождю при почти нулевой видимости. Профессор посмотрел направо и налево. Переход не так далеко, и обычно он, не раздумывая, направлялся к нему. «Безопасность превыше всего! – внушала ему с небес Наина. – Сбережешь минуту – потеряешь жизнь!» Но голос ее становился глуше и глу-

ше, а острое чувство тревоги холодным лезвием прошлось по сердцу. В кармане что-то зашевелилось, и он не сразу понял, что это телефон. «Ступай быстрее, я жду тебя дома», – сказали ему, а он так и не распознал фальшь. «Потеряешь жизнь!» – возразил с неба слабый отголосок. Опасность шла из темноты, пряталась за буйной порослью орешника. Темная фигура возникла на фоне ограды, и он похолодел. У него не было времени бежать до перехода. Там его точно настигнут!

Профессор посмотрел на дорогу. Струи дождя бежали по его лицу, и он видел мир, как на картине импрессионистов. На его плечо уже легла чужая рука, но он в порыве отчаяния вырвался и ступил на мокрое полотно автомагистрали. Машина промчалась мимо, ослепив его фарами. Профессор улыбнулся. Его преследователь не решится на подобное безумство. Но радовался он рано. Глаза обожгло дальним светом другого автомобиля. Он хотел отступить, но почувствовал предательский толчок в спину. Темная фигура все же настигла его. Мир перевернулся несколько раз. Черный вечер на мгновение осветила вспышка неземного происхождения. «Жизнь!» – всхлипнула Наина, но ее лицо уже навсегда растворилось во мраке...

Глава 1

Загородный поселок. 9.45 следующего дня

Спальня, выполненная по эскизу модного дизайнера, выдержана в приятных глазу спокойных пастельных тонах, но в то ослепительно яркое утро, когда солнечный свет, словно через увеличительное стекло, вливался в окна, напоминала театр военных действий. Подушки свалены в кучу, простыни смяты, в воздухе парили пух и перья, и среди всего этого беспорядка в одних трусах стоял Нико Центурия и, прижав к лицу руку, вопил:

– За что, Эдика? За что? – Сквозь пальцы, щедро униженные перстнями, сочилась кровь. – Ты с цепи сорвалась, да? Эх, мать твою, нехорошую женщину...

– Не смей трогать мою мать! – взвизгнула Эдика, предпринимая новую атаку. – Иначе я вырву тебе второй глаз! Ты достал меня своей ревностью, и, если не уймешься, я соберу чемоданы и съеду к маме!

Несмотря на драматичность момента, Нико невольно залюбовался дикой грацией красавицы жены. Стоя босыми ногами на ортопедическом матрасе, она являла собой дивное зрелище, от которого у любого мужика, разумеется, если он

не кастрат, возникло бы первобытное желание. Тонкие бретели шелкового белья слетели с плеч, обнажив восхитительные округлости смуглой груди. Пупок трепетал, а великолепные ноги, которыми можно было бы обхватить шею гиппопотама, попирали банный халат Нико. Длинные черные брови стрелами взлетели к вискам, как нельзя лучше оттеняя красоту зеленых глаз, в этот момент сверкающих, как у кошки. Нет, Нико Центурия, известный в криминальных кругах под кличкой Бульдозер, не мог устоять против такой красоты.

– Нет, ты с ума сошла, да? – спрашивал он. – Как я теперь на глаза людям покажусь, а? Всего-то спросил тебя, кто звонил? Тяжело ответить, да?

– Да! – выпалила красотка. – После того как ты устроил мне сцену вчера вечером, сказав, что я не так посмотрела на твоего водителя, потом ночью за то, что я рассматривала мужской журнал, спрашивать меня, кто звонил мне в восемь часов утра, с твоей стороны форменное свинство!

– Ну, так кто звонил сегодня, а? – спросил Центурия, рассматривая в зеркало свежую царапину. – Скажи мне, какой хороший человек может звонить в восемь часов утра? И потом, почему его номер не определился? Зачем честному человеку прятать свое имя? Кого он боится? Не меня ли?

– Ну о чем ты говоришь, Нико? – примиряющим тоном заметила Эдика. – От тебя у меня секретов нет. Подумаешь, может, кто-то просто ошибся номером. Ты же знаешь эту чертову связь...

– Нет, не увиливай! – опять вспылал Нико. – За дурачка меня считаешь, да? – Он постучал себя по лбу. – Никто еще не смог надуть Бульдозер...

– С этим я полностью согласна, – хмыкнула Эдика.

– А почему ты улыбаешься, а? – спросил он с подозрением.

– Я?!

– Да, ты! Посмотри на себя в зеркало. У тебя улыбка от уха до уха. Кого ты решила провести?

В общем, все понеслось опять по кругу и закончилось по давно отработанному сценарию – в постели. Со слезами, клятвами и заверениями в вечной любви...

Когда через час Нико, усталый и удовлетворенный, включил телевизор, транслировали «Чрезвычайное происшествие». Эдика, всем происшествиям на свете предпочитающая хронику собственной жизни, направилась в ванную, но, не пройдя и пары шагов, остановилась как вкопанная. Бесстрастный голос ведущего за кадром сообщал о событиях прошлой ночи.

– ...к сожалению, шторм, бушевавший в городе вчера вечером, собрал свой скорбный урожай. На десятом километре Кольцевой автомагистрали случилось дорожно-транспортное происшествие, унесшее жизнь пешехода. По нелепой случайности под колесами движущегося автомобиля оказался пожилой мужчина. Личность пострадавшего удалось уста-

новить быстро. Им оказался шестидесятишестилетний профессор Каменев, автор многих научных открытий в области физики, заслуженный деятель науки...

На экране появилась черно-белая фотография мужчины с усталым, печальным взглядом и пышной копной взерошенных волос на голове. Эдика испуганно ойкнула и зажала рот ладошкой. Нико обернулся. Мгновение, и поперечная морщина собрала его густые брови в одну сплошную мохнатую полосу.

– Что это с тобой? И почему ты пялишься на этого мужика? Ты с ним знакома, да? – спросил он со зловещим свистом в голосе.

Она отрицательно помотала головой.

– Опять врешь! – вспыхнул он. – Зачем расстраиваться, если ты его даже не знаешь? Ты что, уже со стариками встречаешься? А не он ли звонил тебе сегодня утром?

Эдика посмотрела на него, как на сумасшедшего.

– Ты совсем с ума съехал. Как же он мог звонить мне утром, если вчера вечером уже был мертв? Передавал привет с того света?

Аргумент жены на этот раз оказался убедительным.

– Железное алиби, – пробормотал Нико, но тут же, словно опомнившись, спросил: – А кто же звонил? Вернее, я хотел спросить, почему ты на него пялишься?

– Я видела его вчера на приеме у психолога. Был обычный сеанс групповой терапии. Он вел себя немного странно, –

уклончиво ответила она, понимая, что излишняя откровенность может стоить ей слишком дорого.

– Групповая терапия, – пробормотал озадаченный Нико, скривив губы, словно в самом звучании ему чудилось что-то неприличное. – Можно подумать, я за то плачу деньги, чтобы ты встречалась там со всякими мужиками. А еще профессор...

Еще через час царапина на щеке Нико уже затянулась корочкой. Эдика щедро намазала ее тональным кремом, и Центурия, отвечая на изумленный взгляд своего водителя, нехотя пояснил:

– Во всем виновата кошка, мать ее нехорошую женщину...

Он ткнул носком ботинка в меланхоличного кота, разлегшегося в прихожей. Тот даже не поднял морду.

Водитель сочувственно кивнул головой, изображая понимание. Ему хорошо было известно, какая кошка поселилась в доме могучего Бульдозера шесть месяцев назад. Именно она стояла сейчас в проеме двери, бесстыдно щуря зеленые глаза. Эта хитрая bestия прошла по судьбе его босса настоящим бульдозером, перепахав его душу вкривь и вкось, выбросив за борт законную жену Нико, скромную порядочную женщину. Конечно, Эдика красотка хоть куда, но на месте шефа он бы до поры до времени придержал ее в любовницах. Такая жена – настоящий геморрой. Но давать советы

Центурии равносильно тому, чтобы самому лезть под бульдозер. Мягкий, как воск, в руках этой стервы, он становился чрезвычайно упертым и попросту опасным для всех тех, кто осмеливался идти наперекор. Поэтому если босс говорил, что его поцарапала кошка, стоило верить на слово, а не смотреть на ярко-алый маникюр его жены.

Нико Центурия выглядел уже вполне довольным жизнью. Правда, утреннее происшествие с седым профессором еще беспокоило его, как старая заноза, но, поразмыслив хорошенько, Нико решил, что гибель ученого прикрывает все его грехи. Смерть платит по всем счетам. Эту истину Центурия усвоил давно...

Восточная часть города. Небольшая квартира в панельной многоэтажке. 9.45 того же дня

Роберт терпеть не мог съемные квартиры. Убогие, безликие, похожие одна на другую, с отвратительной сантехникой и запятнанными матрасами, хранящими следы многих постояльцев. Конечно, за те деньги, которые он получал за выполнение особо сложных заказов, он мог позволить себе комфортабельное гнездышко, шелковые простыни и джакузи с функциями космического корабля. Но теперь в этой серой безликости чужого жилища он черпал спокойствие. Он мечтал спокойно проспать всю ночь, не прислушиваясь к шорохам за дверью, не вздрагивая каждый раз, когда свет

от фар очередной припозднившейся машины расчертит потолок яркими полосами. По этой причине Роберт менял жилище раз в несколько дней. Понятно, что ему приходилось ютиться в квартирах, которые предприимчивые хозяева сдавали постояльцам по часам или суткам. Это было прибежище для блудливых пар или экономных командировочных. Для него же, человека с репутацией, болезненно чистоplotного, находиться здесь было сущим наказанием...

Он зашел в ванную и, потянув носом, брезгливо сморщился от запаха хлорки. Привычная картина. Видавший виды унитаз в рыжих потеках от струящейся днем и ночью воды. Чугунная ванна с облезлой эмалью, негнувшийся штатив с душем. Разумеется, парочки, залетавшие сюда по надобности на два часа, чихать хотели на бытовые неудобства. Отпрыгав свое на скрипящем матрасе, они без сожаления хлопали дверью, выкинув из памяти отвратительное жилище и более чем сомнительное знакомство.

Роберт раскрыл черную кожаную сумку и стал доставать оттуда туалетные принадлежности: дорогой парфюм, флакон шампуня, крем для кожи. Посмотрев в зеркало, провел рукой по щекам. Следовало побриться. Он всегда тщательно следил за своим внешним видом, но, признаться, это обстоятельство особо пугало его квартирных хозяев. Они не привыкли связываться с молодчиками подобного рода. Впрочем, их легко можно понять. Представьте на своем пороге эдакого денди в безупречном костюме и галстуке, в черных

очках и с кожаным кейсом в руках, который просит сдать ему на пару дней вшивую нору, в которой стыдно ютиться даже тараканам. Его принимали за налогового инспектора, агента иностранной разведки, террориста и очень часто отказывали. Конечно, проще было одеваться скромнее, сменить пиджак из тонкой шерсти на болоньевую куртку, но Роберт не привык изменять своим привычкам. Вот и сейчас, брезгливо взяв в руки линялое махровое полотенце, он небрежно бросил его на пол, как туалетный коврик, а на крючок повесил мужской халат от Диора. Удивительно, но в этой норе был даже телевизор неустановленной марки, что-то вроде старенького «Рекорда». Вряд ли парочки, зашедшие сюда в поисках дешевой любви, смотрели новости. Но Роберт привык быть в курсе последних событий, поэтому настроил аппарат, стукнув твердой рукой по крышке. Телевизионный динозавр, моргнув черно-белым глазом, выдал на экран изображение, от которого у мужчины похолодели пятки. Он так и застыл с бритвой в руках, не понимая, как старый осел, с которым он знаться-то не хотел, попал в криминальный вестник. Если разобраться, ну кому он был нужен? Преклонных лет мужичок с внешностью Эйнштейна, немного чудаковатый, рассеянный. Таких немало попадает под колеса автомобилей по причине забытых дома очков. Они частенько пополняют милицейские сводки пропавших без вести. Их фото редко показывают по телевизору. Но профессор Камнев, по всей видимости, был исключением. Нагруженный по-

четными званиями и регалиями, как осел поклажей, он стал лакомой добычей для журналистов. Они рассматривали его смерть под невероятными углами зрения. Еще немного, и они начнут выдвигать версии, под микроскопом рассматривая последние часы его жизни. А это уже опасно.

– ...профессор Каменев слыл очень осторожным человеком, – вещала очередная телевизионная идиотка. – В связи с этим странно, что он решился перейти шоссе с интенсивным дорожным движением и пренебрег подземным переходом, находящимся в десятке метров от места происшествия. Удивительно, что мужчина нашел свою смерть практически рядом с родным домом, в котором прожил более двадцати лет. Он всегда ходил этим маршрутом, и родные не представляют, каким образом...

Ключевым словом во всей этой галиматье звучало «странно». Разумеется, для непосвященных смерть профессора казалась странной, но ему, человеку особого склада и особой деятельности, все более или менее ясно. Каменев должен был умереть, так или иначе...

Раздался звонок. Нервы Роберта превратились в натянутую струну. Кто это мог быть? Никто не знал, что он переехал сюда. Признаться, он сам об этом узнал несколько часов назад.

Мужчина осторожно приблизился к двери и заглянул в «глазок».

– Открывайте, я знаю, что вы здесь! – пропел игривый

женский голос, и ему пришлось подчиниться.

На пороге стояла квартирная хозяйка, дебелая матрона лет эдак за сорок. Она была пышногруда и толстозада и, может быть, кому-то показалась бы аппетитной пышечкой. У Роберта же дамы подобного сорта вызывали неизменную тошноту.

– Что-то не так? – спросил он, тщательно скрывая раздражение. – По-моему, деньги я заплатил вперед за два дня.

– Это я хотела спросить, может, что-то не так? – проворковала женщина. В ее голосе было слишком много сахарного сиропа.

Роберт насторожился. В его положении даже визит одинокой тетки мог быть опасен. Кто знает, кем она сюда направлена.

– ...одинокий мужчина. Вот я и подумала, может, вы нуждаетесь в чем-нибудь? Я могла бы принести вам дополнительный комплект постельного белья, ну или там хорошие полотенца. А может, вы будете принимать гостей и вам потребуется посуда? – говорила женщина, внимательным взглядом шаря у него за спиной.

Он так и стоял перед ней – в шелковом халате, с пеной на щеках, – но ее это нимало не смущало.

– Вам стоит только захотеть, и я выполню любое ваше желание, – говорила женщина. Видимо, к комплекту постельного белья она прилагала и себя. Мозг Роберта, как мощный компьютер, тщательно анализировал полученную информа-

цию. Просканировав лицо дамы, ее масляный взгляд и влажный, приоткрытый, как для поцелуя рот, он было успокоился. Обычная похоть престарелой нимфетки. Могла бы в своем возрасте вести себя и достойнее. Мало есть охотников до дамочек ее возраста, изображающих из себя шаловливых девчонок.

– Мне нужен ваш паспорт, – вдруг жестко объявила она.

– Но мы же с вами договаривались, – изумился Роберт.

– Ничего не знаю, – заявила она. – Таковы правила. Конечно, я могла бы сделать исключение, если бы вы...

– Вы не получите паспорта. Я съезжаю. Потрудитесь вернуть деньги, – сказал он и хлопнул дверью прямо перед ее носом...

Юго-Запад. Современная квартира в жилом комплексе. То же утро

Спать три-четыре часа в сутки, когда тебе всего лишь двадцать три – обычное дело. Ролан до глубокой ночи гулял по улицам, потом, вернувшись домой, смотрел старый итальянский фильм, а теперь, солнечным утром того же дня, он уже встал и был полон сил. Открыв створку гардеробной, он не спеша окинул взглядом полки с одеждой и невольно поморщился. Откуда взялась это отвратительная серо-коричневая гамма? Пиджаки, брюки, галстуки... опять пиджаки. Нет, так не годится. Возможно, так он будет одеваться в со-

лидном возрасте, лет так под пятьдесят. Но пока ему хотелось ярких маек и джинсов. Тем более что в окно светило необыкновенно жаркое летнее солнце! Он еще раз прошелся по вешалкам, пересмотрел все полки и в конце концов нашел то, что искал: джинсы с прорезями на коленях, майку нежно-бирюзового цвета с яркими оранжевыми полосами. Бейсболка из той же серии, в ней он выглядел еще лет на пять моложе. Замечательно! Чем же заняться в такой погожий июньский день? Может, махнуть на пляж с Дашкой? Будет здорово, если она не потащит за собой всех своих подруг, шумных, смешливых. Им лучше вдвоем, подальше от любопытных глаз. Там они лягут на белые пушистые полотенца. Он коснется ее горячего тела рукой, и...

– Роман Александрович, вас просят вниз! – прокричал за дверью пронзительный голос домработницы.

Роман? Опять она все путает.

Ролан вышел из спальни и, съехав по перилам небольшой участок пути, оказался внизу. В столовой уже был сервирован завтрак: кофе, чай, как обычно, ароматный бекон и яичница. От горячих масляных лепешек поднимался пар. Он почувствовал волчий аппетит. Впрочем, неудивительно. Молодые всегда хотят есть...

– Вау! Чего это ты так вырядился, пап? – раздался громкий голос справа.

– Ого! Папа решил сменить имидж! – заорал голос слева, и два рыжих молодых парня, вне всяких сомнений, близне-

цы, уставились на него, как на веселое привидение.

– Мама! – закричали они уже в два голоса, и в проеме двери появилась невысокая плотная женщина с усталым лицом. Увидев мужа, она только покачала головой.

– Роман, ты опять за старое? – спросила она. – Твой костюм отглажен и висит в гардеробной. Иди немедленно переоденься.

– Но я... – растерялся Роман.

– Ступай, – махнула она рукой. – Подумай, какой пример ты подаешь детям. Тебе сорок восемь лет. Пора бы уже стать серьезнее.

Сорок восемь? Он, должно быть, ослышался.

– Двадцать три, – поправил он нерешительно.

– Двадцать три стукнет твоим сыновьям через месяц, – напомнила жена, поворачиваясь к нему спиной.

Роман потащился назад в гардеробную. Тяжело преодолевая лестницу, он вдруг ощутил, что каждая пройденная ступенька добавляет ему год. Всего их было двадцать пять. По году на каждую. Итого – сорок восемь, как, впрочем, ему и говорила жена.

Высокое, в полный рост, зеркало издевалось над ним, словно он находился не у себя дома, а в комнате смеха. Рыжая бейсболка нелепо смотрелась над одутловатым лицом, набрякшие под глазами мешочки красноречиво свидетельствовали, что правильный режим в сорок восемь лет – вещь обязательная, а не желательная. Пивной животик отврати-

тельно коверкал фигуру, а в бирюзовом цвете он и вовсе выглядел пижоном. Боже мой, до чего он докатился!

Когда, надев костюм с галстуком, Роман Александрович степенно сошел вниз, как и подобает отцу семейства, он чувствовал себя на все свои сорок восемь. Жена удовлетворенно кивнула головой.

– Совсем другое дело. Ты будешь, как всегда, чай с лимоном?

Он уставился в телевизор. Его пацаны уничтожали завтрак и смотрели при этом криминальную хронику, словно фотографии с мест происшествий по утрам поднимали аппетит и жизненный тонус. Роман Александрович хотел было переключить канал, как вдруг на экране черно-белым пугалом возник снимок старого профессора.

– ...он погиб на месте, – взволнованно говорила журналистка. – Молодой водитель, находившийся за рулем «Тойоты», не успел затормозить, столь неожиданным для него стало появление на высокоскоростном участке шоссе человека...

– Ты ничего не ешь, – забеспокоилась жена. – Может, тебе предложить что-нибудь еще?

Он остановил ее движением руки, не отводя глаз от экрана.

– Странное дело, я еще вчера видел его живым, – произнес он задумчиво. – Какая непредсказуемая штука жизнь...

Жена его философское замечание оставила без ответа. Ее

интересовали темы более приземленные.

– А где ты был вчера вечером? – спросила она. – Я звонила тебе в офис, там сказали, что ты ушел сразу после пяти.

– Я гулял, – сказал он, весь еще во власти утренних видений.

– До трех утра?! Под дождем?! – воскликнула жена и, в отчаянии швырнув кухонное полотенце, заметила: – Не мог соврать удачнее?

Он недоуменно уставился на нее. В самом деле, где он был до трех часов утра?

Глава 2

Три недели спустя. Обычный районный суд. 9 часов утра

Кристина прошла в зал судебных заседаний, предварительно дав себе клятву, что сохранит спокойствие даже в том случае, если ситуация сложится не в ее пользу. Надо сказать, что держать себя в руках было непросто. От природы живая и непосредственная, эта девушка не брала на себя труда примерять чужую маску и казаться выдержаннее или умнее, чем была на самом деле. В свои двадцать три года она еще не утратила юношеского максимализма и искренне верила, что справедливость должна побеждать в любом случае. Но то, что произошло с ней и ее семьей за последние шесть месяцев, сильно поколебало ее веру в себя и в близких. Она пришла под своды Дворца Правосудия с целью покарать зло и была полна решимости сделать это даже в случае, если ей самой придется спуститься в ад.

Впрочем, ей не было необходимости предпринимать столь опасный вояж, поскольку воплощение зла находилось сейчас рядом, за ее спиной, в образе сногшибательной брюнетки двадцати пяти лет от роду. Ника была ей почти ро-

весницей, но за столь короткое время успела уже выйти замуж и овдоветь. В этом не было бы ничего примечательного, не приходись красотка мачехой Кристине. Головокружительный роман со старым профессором уложился в полгода, включив в себя все то, что другие пары умудряются пережить за пятьдесят лет совместной жизни: период ухаживания, собственно свадьбу, медовый месяц, супружескую жизнь и пышные похороны. В волосах молодой вдовы не появилось ни одной седой прядки. Она была все также хороша, как и в день бракосочетания, и Кристина могла бы поспорить, что в модной сумке мачехи не было даже платка для того, чтобы осушать слезы.

«Мать» и «дочка» обменялись взглядами. В глазах одной отразилось безразличие, в глазах другой – вызов. Они разошлись в разные стороны, чтобы через десять минут встретиться в судебном поединке. Слушалось гражданское дело...

Молодой адвокат Елизавета Дубровская видела перспективы этого предприятия весьма туманно. Сказать по правде, она предпочитала уголовные дела, где все было намного проще. На скамье подсудимых сидели насильники или убийцы, воры или разбойники. С ними, как правило, бесполезно вести разговоры о спасении души, потому что порочные наклонности сидели в них настолько же крепко, как в некоторых талант к музыке или страсть к рисованию. Их приходилось принимать такими, как есть – плохими, несовершен-

ными, иногда откровенно жалкими, запутавшимися и потерянными. От них она не ждала благородства и благоразумия, а если таковое и проявлялось, охотно меняла мнение в лучшую сторону. В гражданских делах стороны были представлены людьми, которые считали себя честными и добропорядочными, но, сражаясь за квадратные метры жилплощади, деля имущество, показывали порой такую отвратительную изнанку своей натуры, что можно только диву даваться. Дело Кристины Каменевой из той же категории.

Впервые узнав о содержании завещания старого профессора, Дубровская махнула рукой.

– Погоди, может, все образуется.

– Каким, интересно, образом? – поинтересовалась Кристина.

– Ну, твоя мачеха может отказаться от наследства, – пожал плечами Елизавета. – Сколько они прожили вместе? Шесть месяцев? Курам на смех! Куда ей столько барахла?

– Вы просто не знаете Нику, – мрачно резюмировала Кристина...

В том, что девушка была права, Дубровская убедилась почти сразу. Богатая наследница встретила ее в коротком шелковом пеньюаре, как нельзя более выгодно подчеркивающим все ее достоинства. Елизавета вовсе не была ханжой, но, несмотря на свою молодость и широту взглядов, считала, что женщина, недавно потерявшая мужа, должна выглядеть как-то иначе. Холеная, загорелая, при макияже, Ника

не производила впечатления человека, пережившего горе.

«Бедняга профессор был обречен, – подумала адвокат. – Если бы не машина в ту дождливую ночь, он определенно скончался бы от инфаркта. Такие потрясения в почтенном возрасте добром не кончаются».

– Да вы, наверно, ополоумели, уважаемая, – выдала гневную тираду молодая вдова. – Чтобы я по собственной воле отказалась от своего имущества? Дурочку нашли? Со мной подобный номер не пройдет!

– Но ведь это имущество не ваше, – напомнила Елизавета. – Не вы жили с профессором сорок лет, не с вашим участием оно приобретено.

– Плюнуть и растереть! – заявила молодуха. – По закону это не имеет значения.

Дубровская вздохнула. Вздорная девица была права.

– Ну подумайте о его дочери, – привела она весьма спорный аргумент. – В конце концов, это несправедливо.

– А справедливо оставлять молодую женщину без гроша в кармане? – ошетибилась вдова. – Вы знаете, каково это – ложиться со стариком в постель? Растирать его дряблые ноги? Да еще делать вид, что его поцелуи доставляют мне удовольствие? Как это называется?

– Я думала, это называется любовь, – напомнила Дубровская.

– Не смешите меня! – огрызнулась красотка. – Не понимаю, на что вы рассчитывали, когда пришли ко мне.

– Я тоже теперь не понимаю, – искренне призналась адвокат.

– Истец, поддерживаете ли вы поданное вами заявление? – спросила судья, устремив на Кристину внимательный взгляд. – Напоминаю, вы просите признать завещание, оставленное вашим отцом, гражданином Каменевым, недействительным.

– Поддерживаю, ваша честь! – ответила девушка, приподнимаясь с места.

– Будьте добры, обоснуйте, по какой причине я это должна сделать?

– Я... Думаю, что отец не мог так поступить. Он знал эту... женщину всего полгода и отдал ей все имеющееся у него имущество... Я не понимаю... Посмотрите на нее.

Судья вздохнула. Ей не нужно было смотреть на злополучную Нику для того, чтобы понять, о чем сейчас толкует взволнованная дочь старого профессора. Представленные вместе с иском документы говорили сами за себя. Скоропалительный брак в более чем зрелом возрасте. Сорокалетняя разница между супругами. Завещание, согласно которому имущество профессора, включающее половину просторной квартиры, загородную дачу, два автомобиля, счета в банках, права на получение вознаграждений от его изобретений и научных трудов, передавались жене. Дочери же он оставил вторую половину квартиры. Весьма скромное утешение.

– Истец, внешний вид ответчика, равно как его личные качества, еще не являются основанием для признания завещания вашего отца недействительным, – мягко заметила судья. По правилам, ей не разрешалось подсказывать ответы сторонам.

– Позвольте мне, – поднялась Дубровская, понимая, что нужно брать защиту в свои руки. – Моя доверительница полагает, что ее отец, составляя завещание, не отдавал отчет своим действиям.

– Я не говорила, что отец был сумасшедшим, – испугалась Кристина. – Все-таки он – профессор, заслуженный человек... ой!

Елизавета наступила ей на ногу, заставив замолчать.

– Моя доверительница считает, что ее отец не мог оставить все имущество фактически посторонней женщине, которой и является ответчица, – с мягкой улыбкой продолжила она. – Завещание составлено под влиянием заблуждения, вызванного болезнью и неблагоприятным поведением его молодой жены. В момент составления документа он не мог, в силу своего физического состояния, понимать значение своих поступков.

– О какой болезни вы говорите? – поинтересовалась судья.

– О болезни психического плана, – уклончиво ответила адвокат. – Последнее время профессор вел себя неадекватно. Он казался странным. Мы представим свидетелей, которые подтвердят нездоровое состояние господина Каменева.

– Что скажет ответчик? – судья перевела взгляд в сторону Ники. – Вы признаете иск?

Вдова медленно улыбнулась. Она поднялась в полный рост, и судья вынуждена была признать, что девица была сложена по всем законам красоты. Высокая, стройная, с молодой полной грудью и лицом порочного ангела. Тем не менее во всем ее облике и грации ленивой пантеры читалось неприкрытое пренебрежение ко всем окружающим и ярко выраженное бесстыдство. Судье захотелось сделать ей замечание, но пока нахалка не дала ей повода.

– Иск не признаю, – томно протянула девица. – Мой муж был абсолютно здоров. Во всех смыслах. Ну, если вы понимаете, о чем я...

Ярко-алые напояженные губы растянулись в презрительной усмешке.

– Суд интересуется лишь психическое состояние вашего супруга. Тайны вашей интимной жизни можете оставить при себе.

Кристина побледнела. Она уже поняла, что этот процесс станет серьезным испытанием для ее собственной психики.

До восьми лет Кристина была уверена, что родилась в семье Деда Мороза. Профессор появлялся из своего кабинета неизменно под бой курантов на Новый год. На голове его красовался колпак, а в руке он держал мешок с подарками.

– Итак, кто у нас тут? – спрашивал он, близоруко всмат-

риваясь в маленькую Кристину.

– Девочка у нас, – напоминала жена, чтобы профессор случайно не стал искать мальчишку, которого у них в семье никогда не было.

– О, девочка! – удивлялся Каменев. – А сколько тебе лет?

– Шесть лет, папочка.

– Это не папочка, это Дед Мороз! – шептала ей на ухо Наина.

– А мой папочка и есть Дед Мороз, – просто отвечала девочка.

– Ого! Уже шесть лет, – чесал голову профессор, отчего колпак съезжал в сторону. Глаза его за толстыми стеклами очков казались неправдоподобно большими, как у старого доброго ворона.

– Прочитай Деду стихотворение! – шепотом просила ее мать.

Кристина, взобравшись на стул, читала «Лукоморье», а отец кивал головой и улыбался. Это были, пожалуй, самые светлые минуты ее детских воспоминаний.

– А сейчас нам Дедушка раздаст подарки, – говорила Наина, и профессор лез в мешок, откуда выуживал завернутые в разноцветную бумагу свертки.

– Держи, это тебе, – говорил он, протягивая дочери красный пакет из фольги. – А это тебе. – Жене доставалась большая коробка из игрушечного магазина. – Тут еще что-то есть, – удивлялся он, вопросительно глядя на жену. – Это

кому?

Наина, как всегда, все улаживала. Большую коробку она отдавала дочери. Пакет забирала себе. А оставшийся сверток вручала рассеянному Деду Морозу.

– Что ты мне подарил, папочка? – спрашивала девочка, теребя бант на роскошной коробке.

– Спроси у мамы, – рассеянно бормотал он.

– Дед Мороз подарил тебе большую куклу, – отвечала Наина. – Мне – французские духи. Ну а себе вязаный свитер.

После традиционного бокала шампанского профессор с облегчением бросал на стул колпак и отправлялся в кабинет, работать. Из-под двери выбивалась тонкая полоска света, которая гасла лишь под самое утро. Кристина думала, что отец без устали запаковывает в фольгу подарки: плюшевых медвежат, голубоглазых кукол, кубики, машинки, которые под утро получит вся ребятня из ее дома, двора, детского сада, да и со всей страны.

– Я не хочу, чтобы мой папа был Дедом Морозом! – сказала она, укладываясь в постель в новогоднюю ночь.

– Почему? – искренне удивилась Наина.

– Потому что ему приходится раздавать подарки разным гадким детям, вместо того чтобы быть со мной!

– Вырастешь, все поймешь, дорогая, – говорила ей мать, ласково гладя по голове. Кристина закрывала глаза и в ночных видениях уносилась в снежную даль на запряженной тройке лошадей. Рядом с ней в санях сидел отец в красном

колпаке и валенках, а за спиной была целая куча подарков...

– Разумеется, я частенько бывала в семье Каменевых, – говорила свидетельница. – Мы были очень дружны с женой профессора.

– Вы имеете в виду Нику? – уточняла Дубровская.

Брови женщины возмущенно взлетали вверх.

– Помилуйте, нет, конечно! Я не имею в виду *это!* – Она тыкала пальцем в сторону ответчицы. – У профессора Каменева была единственная законная жена – Наина.

– Свидетельница, оставьте эмоции и придерживайтесь фактов, – попросила судья. – Вам известно, что профессор женился во второй раз?

– Да! – выпалила женщина, и ее глаза стали круглыми, выражая тем самым крайнюю степень негодования. – Как он мог, после Наины?

– Скажите, а вы не замечали странностей в поведении Каменева в последний год его жизни? – спрашивала адвокат.

– Да вот его самая главная странность! – говорила женщина, указывая пальцем в сторону молодой вдовы. – Разве мог так поступить нормальный человек? Что он в ней нашел?

«Это же ясно как белый день, – угрюмо размышляла судья, глядя на кипящую праведным гневом свидетельницу. – Большую грудь и упругую попу». Но, как ни жаль, заключение брака в преклонном возрасте само по себе еще не являлось проявлением сумасшествия...

– Да, разумеется, это был на редкость удачный брак, – говорил пожилой коллега профессора. – Константин и Наина прожили вместе сорок лет и считались образцовой парой.

– Охарактеризуйте профессора Каменева, будьте добры.

– Ну, он был очень мягким человеком, глубоко порядочным, жутко рассеянным. – Мужчина негромко рассмеялся. – Помните, как у детского классика? «Вместо варежек перчатки натянул себе на пятки». Так вот, если бы не Наина, его добрый ангел, профессор мог бы так и ходить, не замечая неудобств. Нас, ученых, часто упрекают в том, что мы не от мира сего. Наверное, в этом есть своя правда.

– Но таким он был всегда, – уточнила Дубровская.

– Так точно.

– Что же случилось после смерти Наины, если профессор вдруг проявил интерес к реальной жизни настолько, что решил жениться?

– Профессор поначалу не осознал, что произошло. Потом замкнулся в себе и даже забросил опыты. Он часами сидел в лаборатории, бесцельно гоняя по столу пепельницу. Он отказывался говорить с кем-либо. Мы боялись, что он свихнется от горя. Кто-то порекомендовал ему обратиться к психологу.

– Правильное решение.

– И мне так кажется. Лечение было настолько эффективным, что профессор не только пришел в себя, но и, удивив нас, женился.

– Вас это обрадовало или насторожило?

Ученый пожевал губами и уставился на ответчицу. Та ласково улыбнулась ему в ответ. Мужчина сбился с мысли.

– Я... понимаю его. – Он облизнул губы.

«К сожалению, так ответит любой здоровый мужчина, – досадливо заметила про себя судья. – Даже мой собственный муж. Хотя вряд ли он рискнет сказать мне об этом вслух»...

– Определенно, профессор Каменев свихнулся на склоне лет! – безапелляционно заявила очередная сердитая свидетельница.

– Почему вы так решили? – оживилась адвокат.

– Я беседовала с ним, пытаюсь отговорить от опрометчивого шага, – заговорщицки улыбнулась дама. – Я приводила сотню доводов, доказывая, что за птица его милая невеста. Я стыдила его, заставляя вспомнить о дочери. Я заклинала его памятью покойной жены. Я умоляла его не выставлять себя на посмешище.

– Ну, и...

– Ответом мне был идиотски счастливый взгляд!

«Опять не то! – вздохнула судья. – О чем, черт побери, думает адвокат?»

– Были ли странности в его поведении? Может быть, провалы в памяти? Он заговаривался? Совершал необъяснимые поступки?

– Да! Разумеется, да!

– Ну, так говорите! – не выдержала судья.

– Так я уже все сказала, – удивилась свидетельница. – Он женился на молоденькой женщине. Разве это объяснимый поступок для пожилого, достойного мужчины? Он забыл о жене и дочери. Разве это не провалы в памяти? А заявить то, что он сказал мне перед свадьбой, это, определенно, бред сумасшедшего.

– А что он вам сказал перед свадьбой? – устало поинтересовалась судья. Надежда умирала последней.

Свидетельница взмахнула руками, как на театральной сцене.

– «Оставьте меня в покое. Я ее люблю!» – прокричала она в зал.

Занавес упал...

После истеричных теток, доводы которых исчерпывались бесконечными восклицаниями, появление нотариуса в зале заседаний принесло с собой свежую струю воздуха.

– Я был знаком с супругами Каменевыми, но в большей степени с Наиной, – говорил мужчина в сером мешковатом костюме. – Муж был эдаким книжным червем. Все время проводил либо в своем кабинете, либо в лаборатории.

– Кто же решал все практические вопросы?

– Конечно, Наина. Профессор Каменев вряд ли знал размер собственной зарплаты, хотя, как мне известно, получал он неплохие деньги. – Нотариус казался очень осведомлен-

ным. – Константин Константинович был известным ученым в области физики, автором многих изобретений. Его научные труды перевели на многие языки мира. Но проблемы реальной жизни его беспокоили мало. Всем занималась Наина. Она обустраивала квартиру и дачу, делала ремонт, вбивала гвозди, копала огород, закатывала огурцы на зиму.

– Скажите, а после смерти Наины осталось завещание?

– Да, – печально констатировал нотариус. – Наина все имущество оставила супругу. В этом не было необходимости. Я говорил ей. Ведь единственными ее наследниками могли быть только муж и дочка. Но эта женщина была иногда чертовски упряма. «Я хочу, чтобы все было оформлено документально, на бумаге, – говорила она. – Мало ли что». – «А как же дочь?» – спрашивал я. «Кристина получит все после смерти отца. Не думаешь же ты, что Костя обидит собственную дочь?» – «Да, но...» – «Никаких «но», – смеялась она. – Вообще я собираюсь прожить сто лет. Бьюсь об заклад, это мне придется хоронить профессора. Я просто не могу его оставить на этом свете. Он беспомощнее ребенка. Завещание мне нужно так, для спокойствия». Она умерла через год от сердечного приступа.

«Как трагично, – подумала судья. – Знала бы бедная Наина, чем обернется для ее дочери подобная забота».

– Как же получилось, что профессор оставил такое странное завещание? – продолжила допрос Дубровская.

Нотариус развел руками:

– Признаться, я был немало удивлен, когда господин Каменев явился ко мне. Понятно, что это было уже после смерти Наины. «Я хочу оставить завещание», – сказал он. Я был поражен, поскольку думал, что он даже не знает такого понятия. Как вы понимаете, оно не имеет отношения к физике, а все то, что находилось за пределами лаборатории Каменева и не исчислялось формулами, не имело для него никакого смысла...

– Продолжайте.

– Я сказал ему примерно то же самое, что некогда Наине. «У вас только одна наследница. Возвращайтесь домой, профессор, к своим электронным частицам. Кристина и так все получит сполна». Тогда он меня и огорошил известием о своей новой женитьбе. «Я хочу все оставить жене», – сказал он наконец, вызвав у меня состояние, близкое к шоку. «Вы в своем уме, профессор? – вскричал я. – Вы оставляете свою дочь голой и босой». – «Ничего подобного, – бормотал ученый. – Я оставляю Кристине мать, которая будет о ней заботиться».

– Его не смущало, что «мать» старше «дочери» на два года?

– Абсолютно нет. Конечно, логично было решить, что он помутился рассудком, но Каменев держался спокойно, может, только немного отстраненно, но задавал вопросы и приводил пусть необъяснимые для меня, но осознанные доводы. Кстати, про свои авторские вознаграждения он вспом-

нил сам и распорядился передать их также своей новой жене. «Но почему? – удивлялся я. – Ради всего святого, объясните, почему вы так поступаете? Если вам так дорога ваша новая жена, оставьте ей на память картину там, ночной горшок, телевизор. Зачем отдавать *все*?» – «Вы не понимаете, – сказал он. – Я вел себя дурно по отношению к Наине. Я не замечал ее тогда, когда был ей больше всего нужен. Я осознал глубину своей любви только тогда, когда ее не стало. Не хочу, чтобы подобное повторилось с Никой. Моя жена не будет ни в чем нуждаться, а о девочке позаботится, как мать. У моих жен даже имена начинаются на одну букву», – добавил он, улыбаясь своим мыслям. – Символично, правда?» – «Это уж точно», – пробормотал я, понимая, что отговорить старика мне не удастся. Единственное, в чем я помог Кристине, так это заставил старика записать на нее половину квартиры. «Так будет правильнее по закону», – схитрил я. Профессор махнул рукой: «Как скажете».

– Вы виделись с ним позже?

– Не виделись, но он мне звонил. Как я понимаю, это произошло в день его гибели. Голос мне показался страшно взволнованным.

– Расскажите, пожалуйста, как оно было.

– Сначала я даже не разобрался, что ему нужно. «Я хочу вернуть все назад!» – кричал он в трубку. «Что назад? – спрашивал я. – Что вы хотите, профессор?» – «Назад, черт возьми, мое завещание! – волновался он. – Вы можете взять и по-

рвать его? Сжечь? Закопать? Все, что угодно». – «Что с вами случилось?» – «Похоже, я сделал большую глупость». – «Похоже на то». – «Тогда сделайте, что я прошу!» – «Не имею права, – отвечал я. – Ни жечь, ни рвать. Так дела не делаются, профессор. Приезжайте ко мне, и мы составим новое завещание». – «Кристина будет довольна?» – «Конечно, да. Вы много дров наломали, профессор. Но все можно исправить, ведь на это нам и дается жизнь. Верно?» – «Я буду у вас завтра с утра. Только бы дожить!» – «Доживете, – усмехнулся я. – Что с вами делается?» Утром я уже смотрел выпуск новостей...

– Мы взяли распечатку телефонных переговоров с номера профессора, – поднялась Дубровская. – Просим приобщить ее к материалам дела. В семнадцать часов вечера был зафиксирован звонок на номер нотариальной конторы, в которой и работает свидетель. В семнадцать пятнадцать Каменев позвонил дочери, сказав ей буквально следующее: «Все будет хорошо, родная. Я возвращаюсь. Возвращаюсь насовсем».

– Что думает ответчик? – судья повернулась к Нике.

Та встала. На губах ее блуждала странная усмешка.

– Делайте как хотите, – бросила она. – Приобщайте эти бумажки или выбрасывайте их в корзину. Ваше дело. Только как вы докажете, что этот разговор имел место на самом деле, а не выдуман нарочно по подсказке адвоката? Я вот утверждаю обратное. Костя звонил этому негодяю толь-

ко для того, чтобы пригласить его на званый обед в воскресенье. Ты же знаешь, какие пироги я пеку, дорогая падчерица? – обратилась она к побледневшей Кристине. – А что касается его возвращения, тут еще проще. Он шел домой пить чай.

Она плюхнулась на сиденье, забыв грациозно, как обычно, поправить юбку. Подол задрался, демонстрируя участникам процесса безупречно круглые коленки ответчицы. Нотариус потерял дар речи...

Глава 3

Психотерапевт Игорь Всеволодович Левицкий был молод, но, судя по наплыву клиентуры, заполнявшей его роскошный офис в самом центре города, мог считать себя весьма успешным человеком. Он был высок и прекрасно сложен. Карие глаза эффектно сочетались с золотистыми волосами, и судья могла поклясться, что часть его пациентов, разумеется женщин, платят ему деньги не столько за медицинскую помощь, сколько за удовольствие пообщаться с молодым, привлекательным мужчиной. Но подбородок, разделенный ямочкой, был тверд и упрям, что не позволяло некоторым особо ярким поклонницам его таланта надеяться на что-то большее, чем обыкновенный сеанс психотерапии.

– Совершенно верно, – говорил он низким, хорошо поставленным голосом. – Профессор Каменев был моим пациентом.

– Можете пояснить, какого рода помощь вы ему оказывали? – спрашивала Дубровская.

Левицкий задумчиво взглянул на нее.

– Вы, должно быть, знаете, что существует понятие врачебной тайны? Есть профессиональная этика, наконец. И хотя в обращении ко мне господина Каменева не было особого секрета, я не уверен, что допустимо выставлять его личные проблемы на всеобщее обозрение.

– Очень похвально, Игорь Всеволодович, что вы так печетесь о сохранности тайн ваших пациентов, но мы пригласили вас не из праздного любопытства, – напомнила ему судья. – Вы находитесь в суде, где рассматривается гражданское дело по признанию завещания Каменева недействительным. Я не думаю, что вы нарушите профессиональную этику, если ответите на некоторые вопросы сторон. К тому же профессор Каменев, как вам, должно быть, известно, мертв.

– Да, – мрачно подтвердил Левицкий. – Как это не при-
скорбно. Конечно, это все меняет... Я постараюсь ответить на ваши вопросы.

– Итак, что привело к вам профессора Каменева?

Мужчина вздохнул:

– Печальные обстоятельства. У него умерла жена, и он был не в состоянии справиться с навалившимся на него горем.

– Это называется депрессия?

– Да, – утвердительно кивнул головой доктор. – Я бы даже уточнил, посттравматический синдром. Отклик на остром горе. Смерть жены травмировала его психику, и организм ответил бурной отрицательной реакцией. Все люди разные, но какими бы мы ни были, рано или поздно все мы переживаем потери. Увы, такова жизнь! Механизм переживаний един для всех, а вот сила, продолжительность их индивидуальна. Выражение «умереть от горя» – не просто звучное сочетание. Так иногда случается. Так вот профессору Каменеву помощь специалиста была необходима.

– Если человек ломает ногу, то каждый без труда заметит его нездоровье. А как же быть с поломанной психикой, доктор? У болезни есть симптомы? – задала вопрос адвокат.

– Вы имеете в виду клинические проявления? Разумеется, они наличествовали у моего пациента. Притупленность эмоций, например. Профессор полностью утратил вкус к жизни. Радость, удивление, восторг, даже печаль стали ему недоступны. Он потерял способность реагировать на внешний мир, что бы в нем ни происходило. У него нарушилась память и концентрация внимания. Беседуя с ним, я понял, что ему трудно сосредоточиться на чем-то, вспомнить события прошлого. Ко всему еще появились головные боли и бессонница.

– Такое лечится?

Левицкий грустно улыбнулся:

– Простите за банальность, но лучший доктор – время. Подобно тому как мы приобретаем иммунитет к определенным хворобам, наша психика вырабатывает особый механизм защиты от болезненных воспоминаний. Я могу лишь помочь ослабить внутреннее напряжение. После нескольких сеансов у профессора появилась потребность говорить, выражать свои переживания в словесной форме. А это хороший знак. Вместе с тем у него развился сильнейший комплекс вины. Он ненавидел себя за то, что жив, а жена нет; корил себя за проявленную по отношению к ней черствость и невнимание и расстраивался потому, что ушло время, а с

ним и возможность что-то исправить.

– Вы говорили о травме психики. Значит ли это, что у профессора развилось психическое заболевание? – Дубровская подвела допрос к интересующему ее моменту.

– Иногда симптомы посттравматического синдрома выглядят как психическое отклонение, хотя это лишь глубоко укоренившийся способ поведения, – ответил Левицкий, видимо, не понимая, куда клонит адвокат.

– Простите, я не понимаю, что это значит, – упрямо заявила Дубровская. – Осознавал профессор свои поступки или нет? Мог он руководить своими действиями или же выполнял чужую волю, не отдавая себе отчет в том, что происходит?

Она была в отчаянии, понимая, что доводы их искового заявления рушатся, как карточный домик от легкого дуновения ребенка.

– У профессора были психологические проблемы, но психически больным его назвать нельзя, – категорично заявил доктор. – Видимо, вы, как и многие наши граждане, подвержены стереотипу: к психотерапевту обращаются только психи. Уверяю вас, это не так!

Дубровская хмурилась. Видимо, так она и считала.

– Когда у вас заболит сердце или желудок, вы бежите к врачу, ведь так? – продолжал Левицкий. – Но почему-то, когда страдает душа, каждый сам себе доктор! Это неправильно. Специалист может ускорить выздоровление, улучшить

качество вашей жизни.

– Судя по результату, профессор Каменев излечился от горя настолько, что забыл про жену и дочь, – заметила адвокат. В ее тоне звучало ехидство. – Вы слышали о том, что он женился во второй раз?

Левицкий явно почувствовал себя не в своей тарелке. Он поглядел на Кристину, потом перевел взгляд на Нику. Лицо его слегка порозовело. Доктор был смущен.

– Простите, я не хотел причинять кому-либо проблемы, – сказал он глухо. – Я просто лечил пожилого человека, опасаясь, что на фоне пережитого потрясения у него обострятся хронические болезни и организм не выдержит. К тому же я не исключал возможности, что пожилой профессор решит уйти из жизни добровольно. Вы знаете, как это бывает... Конечно, вариант женитьбы я не рассматривал, хотя и не считал его катастрофой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.